

Департамент образования и науки города Москвы
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»

Институт гуманитарных наук
Кафедра отечественной истории

На правах рукописи

Моргунов Кирилл Геннадьевич

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВИЧЕЙ В 1917-1922 ГГ.

46.06.01. Исторические науки и археология
Отечественная история

**Научный доклад
об основных результатах научно-квалификационной работы
(диссертации)**

Научный руководитель:
Кандидат исторических наук, доцент
Смирнова Юлия Валерьевна

Москва

2022

I.ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Переломная эпоха революций и гражданской войны в истории нашей страны является предметом жарких споров и по сей день. Ни по одному событию в современной исторической науке, а тем более публицистической среде не возникает столько разногласий и диаметрально противоположных точек зрения. Революционный 1917 год поднял Россию на дыбы, вместе с этим, на несколько лет страна была втянута в Гражданскую войну, о сроках окончания которой до сих пор нет единой точки зрения. Вместе с этим, в данном вопросе – истории революции и Гражданской войны, основные акценты ставились на изучение «большой» истории: политические, экономические структуры, интерес к непосредственно боевым действиям, а также большое внимание к главным действующим лицам создавали странную картину, в которой население в лучшем случае представлялось заложником ситуации, молчаливым (либо агрессивным) большинством. Голос народа прорезался эпизодически, но всё ещё оставался скорее дополнением на историческом полотне. В последнее время акценты в данном вопросе сместились. Серьёзные изменения в методологии исторической науки, которые происходили постепенно, начиная с 20-х годов XX века, послужили источником вдохновения и поиском альтернатив устоявшимся исследовательским концепциям. Изучение повседневной жизни обычных людей, ставшее основной исследовательской программой целого ряда историков, изначально воспринималось как мелкотемье. Однако сегодня мы можем констатировать, что исследование повседневности стало одним из самых актуальных направлений в исторической науке.

Объектом данного исследования является Москва и москвичи в годы революции, Гражданской войны и НЭПа.

Предмет исследования - повседневная жизнь москвичей в 1917 – 1922 гг.

Цель исследования - выявление основных элементов повседневной жизни москвичей в условиях политической и социально-психологической трансформации общества в 1917 – 1922 гг.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих исследовательских задач:

- 1) Выявить динамику и особенности в восприятии москвичами октябрьской революции и большевистской власти;
- 2) Проанализировать типичные повседневные практики и коллективные представления горожан в годы политики «военного коммунизма»;
- 3) Раскрыть особенности поведения и взгляды москвичей в решении продовольственного и жилищного вопроса;
- 4) Выявить изменения московской повседневности, связанные с началом новой экономической политики.

Хронологические рамки исследования – 1917 - 1922 гг. Даты обусловлены тем, что принято называть периодом революционного кризиса, следствием которого стала Гражданская война на территории бывшей Российской империи. Нижняя граница исследования – октябрь 1917 года, верхняя граница декабрь 1922 года определена началом проведения новой экономической политики и образованием СССР.

Степень изученности темы.

В отличие от достаточно популярного направления в современной отечественной исторической антропологии, которое изучает то, что называется «коллективная психология» – истории повседневности уделяется гораздо меньше внимания. Во-первых, это связано с тем, что внутри самой исторической антропологии достаточно размыты границы и зачастую, между историей ментальности и историей повседневности не видно существенных различий. Во-вторых, повседневность как таковая – с её акцентом на практики населения, чаще фигурировала в сводках различных инстанций, а не на страницах исторических исследований. Однако первые попытки

изучать именно «историю снизу» были предприняты уже в 1920-е гг., правда тогда это являлось скорее дополнением к общей картине, а не самой целью исследования. Здесь следует выделить работы историка А.М. Панкратовой сферу интересов которой можно отнести к рабочей истории¹ и П.В. Волобуева². Подход А.М. Панкратовой к исследованиям смело можно отнести к устной истории³. А.М. Панкратова считала, что большинство участников исторического процесса в РСФСР за указанный период не обладала умением переносить свои мысли на бумагу. Поэтому исследовательницей был использован метод интервьюирования свидетелей той эпохи. Труд П.В. Волобуева также связан с рабочей историей и революцией. Данные исследования всё же были больше связаны с революционными процессами и роли рабочих внутри него, в то время как аспекты повседневности в их трудах выступали скорее фоном. По понятным причинам в рамках классового подхода перед историками стояли несколько другие задачи и цели исследования. Некоторые особенности поведения населения затрагивались и в работе С. Пионтковского «Гражданская война в России (1918-1921), пускай данный труд и является некоторой хрестоматией, в нём содержатся различные документы по указанному периоду, описание ключевых событий, в которых можно найти крупицы ценной информации. Так, в своём обращении «Все на борьбу с голодом», Совет Народных комиссаров отмечал, что «хлеб удаётся добывать только тем отдельным группам голодающих, которые оказываются лучше организованными...»⁴, которые, в свою очередь различными методами покупают или просто

¹ См. напр.: Панкратова А.М. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М.: Красная новь, 1923.

² См.: Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М.: Мысль, 1964.

³ См.: Щеглова Т.К., Дрожецкий Д.А. Устная история в российской исторической практике 1920-1930-х гг.: к дискуссии понятий и времени возникновения устной истории // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2014. С. 254-259. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustnaya-istoriya-oral-history-v-rossiyskoy-istoricheskoy-praktike-1920-1930-h-gg-k-diskussii-o-ponyatii-i-vremenii-voznikneniya-ustnoy> (дата обращения 05.02.2022)

⁴ Пионтковский С.А. Гражданская война в России (1918-1921 гг.). М.: Издание коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, 1925. С. 115.

отбирают хлеб «у таких же голодных, как и они». Здесь, правда, мы можем увидеть поведение тех или иных групп населения в восприятии различных организаций, что существенно ухудшает продуктивность. Подобная работа – серьёзное четырёхтомное исследование, было выпущено в конце 1990-х годов под названием «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918-1939»¹.

Повседневность Гражданской войны начала интересовать учёных не так давно. Первые работы, в которых изучение повседневной жизни городского населения (или населения в целом) выделялась в качестве главной и основной исследовательской задачи появились в 90-е годы XX века. Среди актуальных исследований, которые были проведены в минувшие два десятилетия следует, прежде всего, выделить ряд работ Санкт-Петербургского историка С.В. Ярова. Знаковой является его монография «Человек перед лицом власти, 1917-1920 гг.²». В данном исследовании автор рассматривал элементы политической психологии рабочих и крестьян, затрагивая особенности выстраивания «нового мира», проникновения в язык новых слов и явлений. Конструируя восприятие изменений повседневной жизни обывателями в широком смысле слова, прежде всего на основе обращений и жалоб в различные инстанции, С.В. Яров особенно отмечал, что революционный «новояз» люди воспринимали по-своему, зачастую, слова вроде «буржуй» становились ругательством без привязки к социальному статусу, а «контрреволюционером» не мог быть трудолюбивый человек. Другая фундаментальная работа – коллективная монография «Петроград на переломе эпох»³. Авторы данного исследования рассматривали пространство комплексно, включая городской контекст, историю повседневности и

¹ См.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918-1939: документы и материалы / под ред. А. Береловича, В. Данилова: в 4 т. М., 1998.

² Яров С.В. Человек перед лицом власти, 1917-1920 гг. М.: «Политическая энциклопедия», 2014.

³ Яров С.В., Балашов Е.М., Мусаев В.И., Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Петроград на переломе эпох: город и его жители в годы революции и Гражданской войны. С-Пб.: Центрполиграф, 2013.

трансформацию политических настроений горожан. Историки указывают на переплетение бытового и политического, политизации «структур повседневности», становление бытового поведения частью поведения политического – что для жителя бывшей имперской столицы было не обычным явлением, а именно феноменом.

Другой знаковой монографией является труд С.А. Хубуловой и М.С. Гапеевой: «”Маленькие люди” в “большой истории”»¹. Данное исследование базируется на материалах преимущественно по Владикавказу, но выводы авторов перекликаются с выводами ряда других историков, специализирующихся на указанном периоде. Ключевой идеей данной работы является «фактор страха» как воздействующего на сознание и поведенческие установки людей элемента, который приводил к двум крайностям: излишней агрессии и излишней пассивности городского населения. Другой работой, также локализованной, является монография И.В. Нарского: «Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917-1922 гг.»². Выводы данного исследования частично перекликаются с выводами С.А. Хубуловой и М.С. Гапеевой. И.В. Нарский указывает на то, что экстремальные условия повседневности зачастую ловили человека в силки, расставленные им самим³. Это привело к повышению взаимной агрессии, которая представлялась для человека единственным выходом из сложившейся катастрофы.

Безусловно следует выделить ряд монографий историка Н.Б. Лебиной, которая изучала повседневность в контексте норм и аномалий⁴. Монография «Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии (1920-1930 гг.)» содержит в себе также и элементы микроистории, но в целом перед нами

¹ Хубулова С.А., Гапеева М.С., «Маленькие люди» в «большой истории»: повседневная жизнь владикавказских обывателей в 1917-1920 гг. Владикавказ.: 2007.

² Нарский И.В., Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917-1922 гг. М.: «РОССПЭН», 2001.

³ Нарский И.В., Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917-1922 гг. М.: «РОССПЭН», 2001. С. 566.

⁴ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии (1920-1930 гг.). СПб., 1999.

предстаёт широкое полотно, на котором мы можем разглядеть масштабные процессы, возникновение которых приходится на первые революционные годы. К ним относятся коммунальный быт, гендерная политика, секуляризация общества, изменение внешнего облика горожан.

Следует выделить и ряд работ, которые косвенно затрагивают проблематику повседневности Гражданской войны: коллективная монография Емельянова С.Н, Зорина А.В, Шпилева А.Г. «Курский край в Гражданской войне 1917-1921 гг.»¹, «Символы власти и борьба за власть»² Колоницкого. Б.И, «Повседневная жизнь российских железных дорог»³ Вульфова А, «Жизнь в эпоху перемен»⁴ Ильюхова А.А, коллективную монографию В.Г. Рыженко, В.Ш. Назимовой, Д.А. Алисова: «Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики», составленную на материалах Западной Сибири⁵, монография Постникова С.П. и Фельдмана М.А.: «Социокультурный облик промышленных рабочих в России 1900-1941»⁶. В ряд интересных исследований по данной теме можно включить «Вокзально-дорожную повседневность»⁷. Актуальность самой темы «кочевой России» в рамках истории повседневности помогает детальнее рассмотреть те сложности, с которыми сталкивались люди, путешествующие по стране в период конца 1917 – начала 1920 гг. Перемещения внутри страны, особенно при помощи

¹ Емельянов С.Н., Зорин А.В., Шпилев А.Г.: Курский край в Гражданской войне 1917-1921 гг. Курск.: 2013.

² Колоницкий. Б.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. С-Пб.: «Лики России», 2012.

³ Вульфов А. Повседневная жизнь российский железных дорог. М.: «Молодая гвардия», 2007.

⁴ Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. М.: «РОССПЭН», 2007.

⁵ В.Г. Рыженко, В.Ш. Назимова, Д.А. Алисов: Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск, 2004.

⁶ Постникова С.П. и Фельдмана М.А.: Социокультурный облик промышленных рабочих в России 1900-1941. М.: РОССПЭН, 2009.

⁷ [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27529912> (дата обращения 28.08.2018 г.)

железных дорог, становятся опасным занятием. Особенно остро стояла проблема перемещений у тех, для кого это было работой – и здесь имеются в виду не только машинисты, но и так называемые «мешочники», с которыми большевики активно боролись. По мнению авторов некоторых статей, например, А.Ю. Давыдова – людей, которые занимались самоснабжением или «мешочничеством» вполне можно назвать «третьим фронтом»¹.

Говоря о зарубежной историографии, стоит отметить, что исследователей здесь интересуют в первую очередь причины случившейся революции. Это подталкивает их использовать культурологические подходы, а также больше фокусироваться на процессе модернизации Российской империи и её особенностях. Британский историк Орландо Файджес, исследуя общество Российской империи, хронологически определяет начало и конец кризиса с 1891 по 1924 гг. Любопытно, что точкой отсчёта О. Файджес избрал голод 1891 года и реакцию на него императорской власти. Даные явления показали общественности и молодому поколению «банкротство политической системы»². Для этого исторического периода были характерны также до конца нерешённый земельный вопрос, новые урбанизационные процессы, участие Российской империи в Первой мировой войне, две российские революции, Гражданская война и НЭП. Всё это согласно О. Файджесу неразрывная цепь событий, которая в культурологическом измерении способствовали трансформации российского общества³. Марк Стейнберг определяет рамки русской революции 1905-1921 гг., как их характеризует сам автор: это «эпоха взаимосвязанных кризисов, потрясений, радикальных перемен и возможностей»⁴. Современная зарубежная историография отталкивается в данном случае от рассмотрения революции и

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/14706/1/04-Davydov.pdf> (дата обращения 28.08.2018 г.). Систем. Требования: Adobe Acrobat Reader.

² Figes O. A people's tragedy. A history of the Russian Revolution. London: Jonathan Cape, 1996. P. 167.

³ Россия в годы Гражданской войны, 1917-1922 гг.: очерки истории и историографии / Под ред. Д.Б. Павлова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 512.

⁴ Стейнберг М. Великая русская революция, 1905-1921. М.: Издательство Института Гайдара. 2018. С.35.

Гражданской войны как прямого конфликта между архаичными устоями и модерновыми идеями по преобразованию общества.

Одним из главных недостатков историко-антропологических исследований зачастую является отвод исторических акторов на второй план, тогда как вперёд выходят скорее политические структуры и их восприятие людей. В указанный период это, безусловно, является большой проблемой, так как политика буквально пронизывала общество, и историки вынуждены прибегать к кропотливой работе, когда в отчётах или протоколов заседаний тех или иных органов власти они пытаются найти «повседневность». Это, в свою очередь, может привести к тому, что мы смотрим на прошлое не глазами рядовых граждан, а глазами конкретного политического органа, который передаёт нам те или иные настроения. В нашем исследовании мы постарались рельефнее выделить именно поведение и практики людей, путём обращения к источникам личного происхождения, а также их восприятие происходящих перемен, взглянули на революционную эпоху «снизу».

Если мы обратим внимание на специфику работ, непосредственно связанных с Москвой, то здесь мы увидим достаточно широкий спектр тем, интересующий исследователей. Это работы по классической истории повседневности¹, культурологические исследования на стыке истории и философии², исследования имагологического характера³. Расширяя само понятие повседневности, историки обращаются и к другим темам. Например, в недавно вышедшем сборнике статей, посвященному «столетию переезда»

¹ Троценко Д.М. Повседневная жизнь российских столиц и провинции 1917-1918 гг. глазами современников. Дисс. канд. ист. наук. Москва, 2012. 239 с. [Электронный ресурс]: <https://www.dissercat.com/content/povsednevnya-zhizn-rossiiskikh-stolitsii-1917-1918-gg-glazami-sovremennikov>

² Кобозева А.В. Культурно-антропологический анализ повседневной жизни Москвы: социальные эксперименты первого послереволюционного десятилетия. Дисс. канд. философ. наук. Москва, 2006, 242 с. [Электронный ресурс]: <https://www.dissercat.com/content/kulturno-antropologicheskii-analiz-povsednevnoi-zhizni-moskvy-sotsialnye-eksperimenty-pervog>

³ Чauc Н.В. Социокультурная повседневность в советском плакате 1917-1941 гг. Дисс. канд. ист. наук. Москва, 2011, 236 с. [Электронный ресурс]: <https://www.dissercat.com/content/sotsiokulturnaya-povsednevnost-v-sovetskem-plakate-1917-1941-gg>

большевиков из Петрограда в Москву отдельный интерес для авторов вызывала повседневная жизнь Кремля и эсеров¹. Также в фокусе оказывается изучение становления новых политических структур, в первую очередь городских Советов². На недавно прошедшем коллоквиуме, который был посвящён Гражданской войне, историки подготовили доклады по разным исследовательским направлениям. Москва всё так же интересует учёных в разрезе нового городского быта. Любопытным также является и широкое обращение к эмоциональной стороне Гражданской войны, которая до сегодняшнего дня считалась достаточно экстравагантным предметом для исследований³.

Источниковая база исследования.

1. Источники личного происхождения (дневники, мемуары).

Здесь мы рассматриваем достаточно широкий круг источников, отличительной чертой которых является прямое отношение к периоду 1917-1922 гг. и которые связаны (прямо или косвенно) с Москвой, т.е где данный город хотя бы вскользь, но упоминается. Например, один из самых ценнейших источников по повседневной жизни Москвы: «Дневник Москвича» Н.П. Окунева⁴, которого без преувеличения можно назвать московским Нестором данной эпохи. Сюда же можно отнести дневник русского писателя И.А. Бунина⁵, дневник М.М. Пришвина⁶, Следует отметить и обобщающего рода воспоминания, в которых повседневность приходится выискивать. К таким относятся воспоминания представителей различных слоёв населения: воспоминания белого офицера, занимавшегося в

¹ См.: Переезд советского правительства в Москву. К 100-летию возвращения столицы в Первопрестольную.: сб. науч. ст. / отв. ред.: И.И. Тучков, Л.С. Белоусов. СПб: Алетейя, 2019.

² См.: Гражданская война в России (1918-1922 гг.) / отв. ред.: Белоусов Л.С., Девятов С.В. СПб: Алетейя, 2020. С. 332.

³ Подр. см.: Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917-1922: Материалы международного коллоквиума. СПб: Нестор-история, 2020.

⁴ Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917-1924 в 2 т. М.: «Воениздат», 1997.

⁵ Бунин И.А. Дневники (1881-1953). Москва-Берлин: Direct media. 2017.

⁶ Пришвин М. М. Дневники 1918-1919 гг. СПб: Росток. 2008.

Москве подпольной деятельностью - В.Ф. Клементьева «В большевистской Москве»¹, автобиография Л.Д Троцкого², «Записки о революции» Н.Н. Суханова³, письма и документы лидера меньшевиков Ю.О. Мартова⁴, воспоминания театрального деятеля С.М. Волконского⁵, находящийся на стыке дневника и мемуаров «Дневник моих встреч» Ю.П. Анненкова⁶, знаменитая книга «Три столицы» В.В. Шульгина⁷, Вильямс А. Путешествие в революцию⁸, воспоминания о посещении Советской России Б. Рассела «Теория большевизма»⁹, относящаяся к более позднему периоду, но тоже информативная «Москва без покровов» Ж. Дуйе¹⁰, А. Моризэ «У Ленина и Троцкого»¹¹ и др.

2. Делопроизводственные документы.

К данной группе источников относится весь комплекс документации, который появляется в результате деятельности какого-либо органа управления. Большая группа делопроизводственных документов содержится в Центральном государственном архиве Москвы в фондах, связанных с местными органами управления. В частности, это фонд Р-1616 (Замоскворецкий районный Совет) – который является одним из самых подробных и объёмных в указанный период, фонд Р-2369 (коммунальный отдел Хамовнического районного Совета), фонд Р-2433 (Московское управление недвижимым имуществом), фонд Р-2434 (Городской районный Совет), фонд Р-2496 (муниципальный отдел Алексеево-Ростокинского районного Совета) а также ряд других. В указанных фондах хранятся важные

¹ Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918-1920 гг.). М.: «Русский путь». 1998.

² Троцкий Л.Д Моя жизнь Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991.

³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Берлин-Петербург-Москва: изд. З.И. Гржебина. 1923.

⁴ Мартов Ю.О. Письма и документы (1917-1922). М., 2014.

⁵ Волконский С.М. Родина: Воспоминания. М.; Берлин: Директ-медиа. 2016

⁶ Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. М.: Захаров, 2001.

⁷ Шульгин В.В. Три столицы. М: Современник, 1991.

⁸ Вильямс А. Путешествие в революцию. М.: Центрполиграф. 2006.

⁹ Рассел Б. Теория и практика большевизма. М. 1991.

¹⁰ Дуйе Ж. Москва без покровов. М.: Саламандра, 1928.

¹¹ Моризэ А. У Ленина и Троцкого. М.: Госиздат, 1923.

данные о деятельности районных Советов и особенностях их взаимодействия с населением. Данные фонды хранят в себе в том числе и обращения от москвичей, что позволяет пристальнее взглянуть на городскую повседневность данного периода.

Другой важной подгруппой делопроизводственных документов являются письма и обращения граждан. Отдельный интерес представляют письма на имя В.И. Ленина от населения, которые содержатся в РГАСПИ (Ф. 5 – Секретариат В.И. Ленина 1917-1924). В данных обращениях к власти мы можем проследить не только жизненно-важные вопросы, но и то, что можно назвать эмоциональной составляющей эпохи. Некоторая часть таких обращений была опубликована ещё в 1992 году в сборнике «Неизвестная Россия»¹.

Одним из самых интересных источников данной группы являются протоколы заседаний СНК РСФСР². Важным являются делопроизводственные документы Московской Чрезвычайной Комиссии³. Протоколы заседаний ВЦИК – также позволяют нам раскрывать специфику раннего Советского периода. Сюда же можно отнести и протоколы президиума Госплана⁴. Интересными являются справочник партийного работника⁵ и инструкции по арестным домам⁶.

В конце 1990-х годов вышло сразу несколько сборников писем и обращений граждан. А именно: Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским

¹ Подр. см.: Козлов В.А., Завьялов С.М.: Неизвестная Россия XX век. В 2-х книгах. Книга 2. М.: «Историческое наследие», 1992.

² Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М.: РОССПЭН, 2006.

³ Из истории Московской чрезвычайной комиссии. Сборник документов (1918-1921 гг.). М.: Московский рабочий. 1978.

⁴ Протоколы президиума Госплана (1921-1923). В 3-х т. М.: Экономика, 1979.

⁵ Справочник партийного работника. М.: Госиздат, 1921.

⁶ Инструкция по арестным домам гор. Москвы. М.: 5-я государственная типография, 1918.

вождям за авторством А.Я. Лившина и И.Б. Орлова¹, а также «Голос народа - письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг.»².

3. Законы и нормативные акты.

В качестве небольшого введения, следует сказать, что специфика выбранной темы позволяет оттеснять законы и нормативные акты на второй план, организуя из этого массива источников фон, на котором разворачиваются различные практики и действия исторических акторов.

К законодательным источникам данного периода в первую очередь относятся Декреты Советской власти (1917-1921 гг.)³, которые следует отнести к юридическим актам законодательного характера. Сборники первых декретов начали издаваться практически после революции, став основной опорой для историков. В наши дни издание декретов Советской власти несколько расширили: относительно недавно в свет вышли ещё два тома, которые содержат документы, не публиковавшиеся до 1991 года. Данний источник уникален по своему содержанию, т.к в нём отображается хаотичность и кризисная сущность периода, в котором создавались различные законы и постановления. К этой же группе относятся постановления Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов по различным вопросам, а также первая Конституция РСФСР 1918 года.

4. Периодическая печать

Периодическая печать данного периода чрезвычайно богата, по статистике исследователя Л.А. Молчанова на территории России (бывшей Российской империи) действовало около 3000 периодических изданий во промежутке между 1917 и 1920 гг.⁴. Поэтому здесь речь пойдёт об изданиях,

¹ Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 1998

² Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг./ Сост. С.В. Журавлёв. М.: РОССПЭН, 1997.

³ Декреты Советской власти в XVIII-ти т. М.: 1957-2009.

⁴ Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (окт. 1917-1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. С. 14.

которые прямо или косвенно писали о событиях, происходивших конкретно в Москве. Следует выделить, безусловно, газету «Правда». В данной газете, кроме донесения пролетарской точки зрения на различные события, мы можем проследить и заметки, которые прямо или косвенно выступали с умеренной критикой, особенно затрагивая вопросы бюрократической волокиты, топливного и продовольственного снабжения. В газете «Правда» в заметке «Поменьше инстанций» её автор, цитировал речь тогдашнего председателя ВСНХ РСФСР А.И. Рыкова на съезде совнархозов: «Главное зло – это изобилие инстанций»¹. И далее автор заметки уже самостоятельно развивает эту мысль: «Если мы возьмём хотя бы Москву – то здесь существуют сразу 4 совнархоза: московский уездный, московский губернский, московский городской и ВСНХ... Возьмём хотя бы какое-нибудь текстильное предприятие Московской губернии. Ведь на обследование и управление этим предприятием претендуют сразу четыре эти инстанции»². Другой интересный пример. В газете «Правда» за ноябрь 1918 года в колонке «Мелочи жизни» (на это следует тоже обратить особое внимание) сообщалось о целой группе спекулянтов, среди которых были замечены женщины и дети, торговавшие различными товарами. Этих товаров либо не было в наличии в ряде магазинов, либо цены на них там были слишком высокие. Разумеется, близлежащий комиссариат устраивал облавы на таких людей, которые располагались целыми группами. Но это не имело никакого эффекта. Спекулянты исчезали со своих «точек» на час-другой, а затем спокойно возвращались обратно, тщательно проверив перед этим близлежащие улицы и дома на наличие сотрудников ЧК³. И так далее. Не менее интересными являются газеты «Известия» и «Новая жизнь».

Любопытной для данного исследования является «Газета-копейка», которая позднее была переименована в «Газету для всех». В отличие от «Правды» данная периодика была нацелена скорее на обывателя в самом

¹ Правда, 3 января 1919.

² Правда, 3 января 1919.

³ Правда, 30 ноября 1918.

широком смысле слова, что раскрывается в самом названии. В ней содержались злободневные юморески и наблюдения за тогдашней повседневностью. Так, в одном из номеров сообщалось: «Кроме обысков, производимых по ордерамластей, очень часты грабительские налёты под предлогом обысков. В таких случаях никто не спасает обывателя»¹.

Журнал «Вестник моды». Вернее, как изменилось его содержание после 1917 года. Если даже до начала Первой мировой войны данный журнал писал о модных тенденциях (что вполне логично), то в годы Первой мировой войны и революции там появились политизированные заметки, которые, конечно, не содержали какую-то серьёзную аналитику, а скорее являлись «криком души» обывателя. «Жизнь, полная лишений, которую мы ведём, будет ли лучше после окончания войны? Мы обносились, наголодались, настрадались – кончится ли это всё с заключением мира? Вот вопросы, которые задаёт каждый из нас себе»². А в 1918 году там была опубликована статья, советовавшая, как ухаживать за обувью, как её сушить и чем мазать подошву, чтобы она дольше прослужила. Старую подошву рекомендовали менять, используя резину от старых шин³. Из таких заметок, соотнесённых с источниками личного происхождения и статистическими данными мы можем многое узнать о повседневной жизни москвичей. Это, безусловно и агитационно-сатирическая газета «РОСТА», которая воздействовала на обывателя юмористически-иллюстративным материалом.

5. Кинофотодокументы

В данном разделе следует указать недавно опубликованную книгу: Революция и Гражданская война в России. 1917-1922 гг.: фотоальбом / под ред. Р.Г. Гагкуева⁴. В ней собраны фотодокументы по указанному периоду, в том числе и по городу Москве.

¹ Газета-копейка. 1918. 19 марта.

² Вестник моды, 1918, С. 21.

³ Вестник моды. 1918, С. 55.

⁴ Революция и Гражданская война в России. 1917-1922 гг.: фотоальбом / под ред. Р.Г. Гагкуева; сост. Р.Г. Гагкуев, В.Ж. Цветков. М.: Достоинство, 2017.

6. Статистические источники.

Здесь следует выделить статистический ежегодник, который издавался Центральным статистическим управлением. В нём содержатся самые разнообразные сведения и цифры, иногда снабжаемые комментариями. По данному периоду наиболее интересным является ежегодник, выпущенный за период «горячей фазы» Гражданской войны (1918-1920 гг.)¹. Заработная плата, питание, население и многое другое подробно описывается в данных сборниках. Другим интересным статистическим документом является небольшая брошюра «Наши финансы за время Гражданской войны и НЭПа», написанной М. Альским (настоящие инициалы А.О Альский) и изданной при поддержке агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП (б). Здесь любопытно переплетение статистики и политического. Так, продовольственная проблема, существовавшая в период войны, увязывается с идущей борьбой. Как нетрудно догадаться вопрос ставился как «быть или не быть Советской власти»², а первоочередная задача представляется в данном небольшом труде как преодоление капитализма (и старого режима), а также борьба за власть. Сюда же относится достаточно подробный статистический сборник Население России в XX веке в 3-х т³. По Москве достаточно подробным статистическим документом является Красная Москва, изданная местным Советом⁴. Хорошим подспорьем в работе могут стать и различные справочники о столице вроде «Вся Москва»⁵.

Научная новизна исследования обусловлена введением в научный оборот ряда ранее неопубликованных источников из Центрального Государственного Архива Москвы (далее – ЦГАМ). Так, историки практически не обращались к протоколам заседаний районных Советов (в

¹ Труды Центрального Статистического управления. Том VIII. Выпуск 1. Статистический ежегодник 1918-1920 гг. М. 1921.

² Альский М. Наши финансы за время гражданской войны и НЭПа. М.: Красная новь, 1923. С. 10.

³ Население России в XX веке в 3-х т. 1900-1939 гг. М.: РОССПЭН, 2000.

⁴ Красная Москва. Статистический сборник. (1917-1920). М.: Издание Московского Совета Р.К. и КР. Д. 1920.

⁵ Вся Москва. Настольный справочник. М., 1922.

данном случае это можно объяснить тем, что примерно половина, если не больше, постановлений или обсуждений – это дублирование постановлений «центра»). Однако кроме этого, на районном уровне мы можем увидеть некоторые любопытные моменты, вроде критики Московского Совета, особенностей взаимодействия людей и новой власти на низовом уровне, реакцию москвичей на нововведения.

Теоретическая и практическая значимость исследования представляют методологические подходы к рассмотрению повседневной жизни москвичей в 1917-1922 годы, поскольку их междисциплинарный характер позволяет по-новому раскрыть содержание проблемы на основе обширного массива материалов личного происхождения, делопроизводственных источников, периодической печати.

Практическая значимость определяется тем, что представленные материалы могут быть включены в общие работы и специальные монографии по истории московской повседневности. На их основе возможна разработка спецкурсов для студентов и методических рекомендаций для учителей истории. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при изучении истории Москвы первой половины XX века.

Методология и методы исследования. Основной исследовательской программой является история повседневности. Ключевым для автора является субъективная интерпретация событий, явлений и феноменов непосредственными участниками событий. Её особенности, как научно-исследовательской программы, были детально описаны и рассмотрены одним из «пионеров» данного направления – немецким историком А. Людтке¹. Помимо тех методов и наработок, которые использовала новая немецкая историческая наука, основное содержание работы связано с междисциплинарным подходом. Рассматривая городского обывателя, важно не только конструировать «типичного» его представителя, но учитывать, что

¹ А. Людтке: История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010.

человек, живущий в городе, не мыслим без учёта «городского контекста». Погружение в повседневные структуры невозможно без социологической опоры, в данной проблематике, как правило, обращаются к работам философов и социологов повседневности. Среди философов одним из основоположников изучения повседневности является Э. Гуссерль, который обратился к проблемам «жизненного мира», а также социолог А. Шюц, который использовал феноменологические идеи в рамках социологической науки. Повседневный жизненный мир в работах А. Шюца является миром во многом детерминированным. Корни этого лежат в самом его определении, как мира верховной реальности, в котором человек находится в состоянии бодрствования и здравого рассудка. Человек действует в нём в рамках эпохи естественной установки – то есть такого состояния своего ума, в котором он не подвергает существующий мир сомнению. Данное определение было также взято у феноменологов, однако философы данного направления, используя термин «феноменологическое эпохе» предполагали подвергнуть сомнению существование самого мира для реализации своей методологии. А. Шюц же использовал данный термин прямо противоположным образом, так как именно это характерно для мира рутинного и нерефлексивного. Кроме всего прочего, на А. Шюца значительное влияние оказала этнометодология – максимально практико-ориентированное ответвление в социологии. Именно оттуда А. Шюц позаимствовал такое понятие как «сфера манипулирования». Под ней подразумевается регион, доступный нам в прямом смысле слова – это та часть повседневного мира, на которую мы можем воздействовать при помощи нашего тела или дополнительных орудий. Расширенное же значение зоны манипулирования включает в себя объекты, доступные моему зрению или слуху¹. Это та страта повседневности, от которой я ожидаю предсказуемости. Если человек перемещается из своей комнаты в магазин, то возвращаясь обратно, он ожидает увидеть свою комнату в том же состоянии, в котором её оставил. Здесь включается выделяемая Э. Гуссерлем

¹ Шюц А. Мир светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 476.

идеализация «я-могу-сделать-это-снова», позволяющая существовать человеку в жизненном мире. Такая установка мотивирует человека выделять для себя конкретные объекты внутри этого мира.

Следует также теоретически осветить проблему городского пространства, т.к физическое пространство города всегда поддаётся некоторой внутренней логике. Центр города всегда является более престижным местом для проживания, нежели его окраина, также как высота памятника апеллирует к уважению¹. Такое присвоенное пространство, по замечанию П. Бурдье, всегда осуществляется в незаметной форме насилия². Безусловно, слово насилие имеет слишком яркий оттенок, поэтому можно сделать оговорку – физическое пространство диктует нам те или иные нормы поведения. В этом смысле физическое пространство – есть лишь проекция пространства социального. Для П. Бурдье, социальное пространство конструируется исходя из деления и распределения активных свойств «агентов» (индивидуальных и коллективных). Социальное пространство – это невидимая реальность, которую нельзя потрогать пальцами³. Однако, несмотря на внешнюю «невидимость», это пространство существует и его можно выделить. Внутри социального пространства находятся «агенты». Активные свойства дают агентам полномочия, силу и власть, а на уровне повседневных практик эти свойства позволяют им добиваться каких-либо результатов. В основе здесь лежит то, что П. Бурдье называет «капиталами», это макропеременные, которые дают агенту власть распоряжаться продуктом деятельности, полученными в ходе предыдущих практик⁴. Социальное пространство нельзя построить произвольно, поскольку его учредителем являются «силы». Именно силовая природа социального пространства, являющегося полем сил, необходимость которых навязывается агентам,

¹ Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007. С. 51.

² Там же. С. 52.

³ Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. М.: «Институт экспериментальной социологии». 2005. С. 559.

⁴ Там же. С. 558.

вовлеченным в данное поле, и как поле борьбы, внутри которого агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями¹, в сумме представляет из себя ансамбль структур, который обуславливает социальные явления. Ещё одна важная деталь для социальной действительности – это её двойственность. Она структурируется социальными отношениями, которые, во-первых, существуют вне зависимости от воли и сознания агента, а во-вторых, существуют как раз именно в сознании агента. Для второго аспекта социальной действительности важно представление агента об окружающем мире и его взглядах².

Основными методами исследования стали: историзма и конкретности, в работе используется также биографический метод исследования.

Положения, выносимые на защиту

1. В период октября 1917- марта 1918 гг. москвичи воспринимали власть большевиков как временную, что выражалось в низкой активности исполнения декретов, а также общего отношение к случившимся изменениям.

2. Ярко выраженный авторитарный характер военного коммунизма порождал практики двойственного поведения. С одной стороны, он вынуждал людей «маскироваться» от новой власти, это, отчасти выразилось в мнимом принятии новых норм поведения. С другой стороны, бедственное продовольственное и топливное положение позволяли игнорировать новые социальные нормы, а также косвенно не подчиняться власти.

3. Новая экономическая политика смогла лишь частично стабилизировать общее положение горожан. На исходе военного коммунизма москвичи адаптировались к условиям кризиса, поэтому НЭП воспринимался, с одной стороны, как определённое улучшение. С другой стороны, последовавшая реставрация рыночных отношений и частной собственности

¹ Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. М.: «Институт экспериментальной социологии». 2005. С. 560.

² Там же. С. 567.

вызывала всеобщее разочарование, связанное с напрасными жертвами кровопролитнейшей Гражданской войны.

Достоверность исследования обеспечивается совокупностью научных методов исследования. Основные положения и выводы исследования сформулированы на базе достоверных фактов и информации, в работе использовались взаимопроверяемые исторические источники. Апробация диссертации нашла свое отражение в 3 публикациях по теме исследования, опубликованных в журналах, включенных в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК РФ.

Апробация результатов исследования. Основные результаты, полученные в ходе работы над НКР, были обсуждены на заседании кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук и отражены в научных публикациях. Основные результаты, полученные в ходе работы над НКР, были обсуждены на заседании кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук и отражены в научных публикациях.

Список публикаций в изданиях, рекомендованных перечнем ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, Моргунова К.Г.:

1. Моргунов К.Г. Восприятие москвичами большевистской власти в годы военного коммунизма // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки; №7, М, 2021. С. 18-23.
2. Моргунов К.Г. Москва и москвичи в зимний период 1918-1920 гг. Зарисовки из повседневности // Вопросы национальных и федеративных отношений, Т. 11, №7 (76), М. 2021. С. 2041-2049
3. Моргунов К.Г. Особенности освоения городского пространства Москвы большевиками в 1917-1921 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений, Т. 12, №1 (82), М. 2022. С. 93-100.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования, состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения, списка источников и литературы и методической части.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, цель и задачи, раскрыта степень изученности проблемы и рассмотрена источниковая база, представлена методология и методы исследования, обоснованы новизна и практическая значимость научно-квалификационной работы.

Первая глава «Революционный кризис в Москве: октябрь-март 1917-1918 гг.» состоит из двух параграфов и посвящена исследованию московской повседневности сразу после октябрьского переворота и вплоть до переезда в город большевиков. В первом параграфе **«Восприятие москвичами Октябрьской революции»** показано поведение москвичей в рамках нарастающего революционного кризиса. Анализ архивных источников, а также источников личного происхождения позволил сделать вывод о том, что москвичи в условиях кризиса выбрали две основные модели поведения: первая – это бегство из города, люди были уверены, что «октябрьской неделей боёв» политическое столкновение не ограничится, вторая – это выжидательная позиция. Логика её основывалась на том, что власть большевиков будет недолгой. Основная надежда была на внешние силы. Если брать в качестве примера ноябрь 1917 года, то здесь показательной будет реплика Н. Окунева, который писал о возможной помощи союзников по Антанте, либо в крайнем случае в нём жила надежда о приходе «немецких жандармов», которые бы разогнали «шатию в сером», а её лидеров поместили бы «в дом умалишённых»¹. Схожую картину «ожидания немцев» среди части москвичей в конце 1917 – начале 1918 гг. передавал в своих воспоминаниях офицер В.Ф. Клементьев: «Сидели в своих

¹ Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917-1924 в 2 т. Т.1. М.: Военное издательство, 1997. С. 108.

квартирах, ели, пили, играли в карты, по ночам дрожали от страха и с нетерпением ждали, когда же придут немцы и прогонят этих жидомасонов большевиков»¹. Всё тот же Н. Окунев сравнивал власть большевиков с нарывом, который должен лопнуть².

На фоне деградации различных государственных структур, в том числе тех, что отвечали за правопорядок, наиболее маргинальные общественные элементы почувствовали безнаказанность. «В последние недели перед восстанием большевиков в Москве стало неспокойно. Грабежи, даже налёты, при бездействии уже милиции (бывшей полиции) стали предметом опасений обитателей наших кварталов»³

Большевики лишь слегка обозначили себя в Москве к декабрю 1917 года, несмотря на обилие новых законов люди не торопились их исполнять, а власть не торопилась за это людей наказывать. Стоит сказать, что декреты принимались большевиками достаточно интенсивно, и даже люди с достаточным уровнем образования не сразу понимали, как им существовать в новой реальности. Хаотичность первых месяцев после начала октябряской революции хорошо отражена и в письмах на имя В.И. Ленина, который на достаточно долгий срок превратился в «последнюю инстанцию»: ему писали по абсолютно разным вопросам, писали с проклятьями, писали с благодарностями, просили посодействовать в том или ином деле, предлагали свою кандидатуру на ту или иную должность.

Ощущимость изменений, которые принес октябрь 1917 года, возрастала и можно сказать, что уже к концу января 1918 всё больше москвичей сталкивались с новыми явлениями в своей жизни: в газетах всё чаще стали мелькать заметки о грабежах⁴, город по ночам становился безлюдным⁵. В то же время новая власть пыталась яснее показать своё присутствие: визуально

¹ Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918-1920 гг.). М.: Русский путь, 1998. С. 52.

² Окунев Н.П. Указ. соч. С. 107.

³ Россия 1917 года в его документах: воспоминания / авт. сост. Н.В. Суржикова, М.И. Вебер. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 191.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ Клементьев В.Ф. Указ. соч. С. 40.

город оформлялся в красные цвета, в центре Москвы появился плакат с надписью «Да здравствуют первые искры мирового пожара!»¹. Можно утверждать, что после разгона Учредительного собрания, на которое население отреагировало удивительно равнодушно², большевики в Москве начали действовать решительнее, как в политическом плане, так и в плане работы с самим населением.

Зима 1917/1918 гг. последовавшая за революционной осенью для человека со стороны выглядела не иначе как «вакханалия»³. Декреты в условиях неопределённости часть населения, выполнять не торопилась, либо использовала их в своих целях. По достаточно меткому замечанию очевидца тех событий «каждый старается в мутной воде побольше рыбы наловить, кругом грабёж и делёж награбленного»⁴. Безусловно, такое поведение во многом было спровоцировано самими большевиками и знаменитой «красногвардейской атакой на капитал», смысл которой каждый понимал по-своему.

Второй параграф «Освоение городского пространства большевиками» раскрывает особенности поведения москвичей в условиях политики муниципализации и уплотнения. Автор показывает результаты политики, проводимой большевиками, доказывает, что законодательная база, рождённая революцией, уже в ноябре-декабре 1917 года в проекте декрета об отмене права частной собственности на городские недвижимости давала властям полный контроль в том числе и над бывшими частными домами⁵. Так в Москве уже 12 декабря 1917 года в управление Московского Совета было передано 4 000 наиболее крупных домов с населением в 780-800 тысяч

¹ Клементьев В.Ф. Указ. соч. С. 43.

² Колоницкий Б.И. Семнадцать очерков по истории российской революции. С-Пб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 136.

³ РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д. 1394. Л. 55.

⁴ РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д. 1394. Л. 55

⁵ Декреты Советской власти в 18-и т. Т.1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С.132.

человек¹. На примере Москвы автору удалось проследить, как деформировалось городское пространство после переезда правительства большевиков в марте 1918 г. и в результате проводимой Моссоветом политики.

Местные управляющие органы власти, существовавшие до Советов, по факту начали ликвидироваться ещё в конце 1917 года, так как новая политическая реальность диктовала экстраординарные способы решения проблем вкупе с новым подходом к понятию «демократия». Ещё в январе 1918 года большевиками делался акцент на том, что разница между городским Советом и городской Думой в том, что Советы выбирают трудящиеся². Сама структура муниципальной власти подвергалась существенными изменениям. Советы следовало из органов политической и классовой мобилизации превратить также и в органы хозяйственного управления. На первых этапах это всё выглядело достаточно сумбурно и хаотично: предшественники в лице городских дум ликвидировались, но на их базе создавались отделы, носившие различные названия: «городского хозяйства», «местного хозяйства» и т.д³. В условиях идущей войны решение бытовых вопросов органами местной власти затруднялось тем, что практически вся полнота власти сосредотачивалась в исполкомах Советов, которые не переизбирались⁴. В качестве краткого итога стоит отметить, что успех проводимой политики нередко зависел непосредственно от тех, кто возглавлял тот или иной домовой комитет, а также от представителей муниципальной власти, которой люди либо доверяли, либо нет. С новой властью москвичи пробовали «договариваться», по мере возможностей – на своих условиях, но чаще всего им приходилось идти на вынужденные компромиссы.

¹ Красная Москва. Статистический сборник. (1917-1920). М.: Издание Московского Совета Р.К. и КР. Д. 1920. С. 335.

² Гражданская война в России (1918-1922 гг.) / отв. ред.: Белоусов Л.С., Девятов С.В. СПб: Алетейся, 2020. С. 332.

³ Там же. С. 334.

⁴ Там же. С. 339.

Во второй главе «Москвичи в годы военного коммунизма (1918-1920 гг.)», состоящей из двух параграфов показаны отношение горожан к новой власти, поведение и повседневные практики населения Москвы в условиях политики военного коммунизма. В первом параграфе «Восприятие москвичами большевистской власти**» представлены некоторые повседневные практики и коллективные представления горожан, оказавшихся в условиях революционного эксперимента. В качестве вывода, автор отмечает, что москвичи сами не заметили, как начали встраиваться в новую систему большевиков, а большевики достаточно быстро оказались в условиях, когда их партия и их власть стали, по сути, безальтернативными для москвичей. Это было связано и с тем, что большевиков в Москве поддерживала существенная часть населения. Так на выборах в Учредительное собрание за них проголосовало 50.1% горожан и 79.5% гарнизона, по городу они заняли первое место, опередив кадетов¹, и с доминированием большевистских средств массовой информации в московской среде, а также тем, что ответственность за всё происходящее брали на себя именно первые лица данной партии, не говоря уже о распределении полномочий внутри СНК.**

Существование в жизни человека таких явлений как власть и государство настолько привычно, что внезапный вакuum в целом воспринимается как что-то невообразимое. Поэтому смысловая структура восприятия большевиков была увязана именно с понятием власти. Даже несмотря на то, что изначально большевиков воспринимали не иначе, как очередных самозванцев, это не мешало им действовать именно как «людям власти». Подобное восприятие власти большевиков, выпустивших

¹ Журавлёва С.Ю. Ведущие политические партии на выборах в Москве в 1917 году. Электронный ресурс. URL: [Ведущие политические партии на выборах в Москве в 1917 году – тема научной статьи по истории и археологии читайте бесплатно текст научно-исследовательской работы в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru)]. Дата обращения: 05.04.2022.

«демонов»¹, обуздать которых будут не в состоянии – вещь вполне характерная. Возможно, такое не вполне серьёзное отношение и дало большевикам тот запас времени, которым они воспользовались для распространения своего влияния в Москве. Стоит отметить, что сами большевики достаточно грамотно позиционировали себя. Они создавали в средствах массовой информации и на публичных выступлениях образ народной власти.

Городские обыватели ежедневно сталкивались с новыми, доселе редкими проблемами, которые стали следствием коммунального коллапса, а источник решения этих проблем находился, зачастую, вне зоны их досягаемости. Ругать мифическую новую власть было также модно, как и писать на самый верх различные прошения или просьбы. Местные власти – районные Советы изначально не пользовались доверием среди населения. Это выражалось либо в простом акте «игнорирования» самой власти путём невыполнения различных указов (ровно до того момента, когда к этому выполнению принуждали), либо в открытой конфронтации (что происходило реже), когда авторитет локальной власти ставился под большое сомнение.

Во втором параграфе **«Повседневные практики москвичей в годы военного коммунизма»** проанализированы практики москвичей в разных пространствах, основным из которых было место работы. Исследование показало, что город как пространство уже в первой четверти XX века – это было место повышенного комфорта, когда человек на извозчике, либо трамвае мог достигать нужной отдалённой от себя точки. В годы военного коммунизма действительность серьёзно изменилась. Ситуация в Москве с трамваями была проблематичной, в 1921 году оставалось всего 126 пассажирских вагонов и запасных частей для них не было². Топливный кризис, давший о себе знать ещё со времён Первой мировой и лишь

¹ Гражданская война день за днём / Сост. В.С. Черепенчук. СПб.: РХГА, 2018. С. 24.

² Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в Сталинскую эпоху: 1920-1930-е гг. М.: Молодая Гвардия, 2008. С. 54.

усугубившийся в годы Гражданской войны существенно влиял на повседневную жизнь. Трамвайное движение для перевозки пассажиров в Москве осуществлялось лишь в теплое время года с мая по сентябрь¹. В холодное же время года трамваи перевозили преимущественно грузы на городские склады, а также вывозили мусор и снег. На смену трамваям пришла пешая ходьба, которую москвичи в шутку называли «путешествие 11 номером» (по аналогии с номерами трамваев, которые переставали ходить)². Москвичи лишились комфортных условий для своего существования. Это изменяло ритм самой жизни, если человек шёл на работу, он должен был заранее просчитать все возможные сценарии, вплоть до такого, что трамвай не приезжает вовремя или же не приезжает вовсе. Слом рутинных действий заставлял горожан заново пересматривать своё отношение к расстояниям и распорядку дня.

Заснеженные, либо чрезмерно загрязнённые улицы необходимо было очищать. Для этого использовалась трудовая мобилизация, когда люди самостоятельно расчищали в том числе и места своего обитания: прилегающие к дому двор или дорожки. О трудовой повинности Никита Окунев сообщал следующее: его жена и дочь отправились в комиссариат для отбывания оной. Стоит отметить, что, например, рабочие в рамках трудовой повинности, снег очищали охотно так как в термосах им приносили обед (а также платили деньги). Фабрика Шрадера давала ежедневно 125 человек на эти работы³.

Взаимодействия людей с начальством на работе происходило по-разному. Всё зависело от конкретного места. Где-то в рамках трудовой дисциплины не увольняли, но арестовывали на какое-то время. Где-то просто журили даже за воровство, просто изымая украденное. С коллегами же,

¹ Симонов Н.С. Развитие электроэнергетики в Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М.: Институт Дмитрия Пожарского, 2016. С. 265.

² Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917-1924 в 2 т. Т.2. М.: Военное издательство, 1997. С. 48.

³ ЦГАМ. Ф. Р-1616. Оп.3. Д.31. Л. 28.

зачастую, отношения были куда доверительнее, так как в условиях бедственного продовольственного положения с места работы пытались воровать. Для успешного осуществления данной процедуры нередко приходилось ставить в известность и охранников предприятия, которые могли рассчитывать на часть добычи. Как показывают архивные документы, даже попадание на воровстве могло не иметь никаких последствий, кроме изъятия украденного. Как правило, люди следовали новым указам, однако, в то же самое время осознавали, что в их руках находятся инструменты давления на местное руководство. Какая-то часть людей стремилась и вовсе не выделяться, игнорируя новую социальную реальность, однако даже таких горожан старались втягивать в новую систему взаимоотношений.

Зима была для людей того времени настоящим испытанием. Анализ повседневных практик людей, показывает, что всё сводилось к двум из них – добыча дров и добыча еды. На высшем уровне практика самостоятельной добычи дров была узаконена декретом летом 1920 года, правда, речь там шла об отведённых участках леса, а не о заборах и деревянных домах, которые разбирались горожанами. Записка Бюро Центрального Совета Экспертов научно-технического отдела ВСНХ (касаемо зимы 1918-1919 гг.) свидетельствует: «В Москве наступил настоящий топливный голод. Население города жёстко страдает от холода, и это страдание переносится особенно тяжело в настоящее время при отсутствии достаточного питания... Люди мерзнут на службе, мерзнут дома, а при таких обстоятельствах невозможна никакая продуктивная работа, столь необходимая для государства в настоящее время»¹.

Горожанам с дровами помогали местные органы власти. В Замоскворечье, например, особенно остро поставили вопрос с добычей дров для зимы 1920-1921 гг. Заготовку дров проводили с поздней весны – раннего лета. Всем добровольцам-самозаготовителям отводили специальный участок

¹ Симонов Н.С. Развитие электроэнергетики в Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М.: Институт Дмитрия Пожарского, 2016. С. 266.

с лесом. Самозаготовитель ничем не ограничивался кроме одного правила – 25% от добытых дров необходимо было отдать районному Совету, а остальное можно было оставлять себе. До 30 июня 1920 года все желающие могли записаться в «добровольцы». В целом, местные власти не оставляли людям выбора, кто не записывался добровольно – мог быть принудительно мобилизован на добычу дров, только в этом случае из 1 куба добытых дров 3 сажени шли в общий Московский котел, 1 сажень оставалась для заготовителя¹. Стоит отметить, что угрозы «добровольной мобилизации» явно были лишними, по воспоминаниям обывателей летом 1920 года стоимость сажени дров доходила до 40 000 рублей, что мог себе позволить далеко не каждый москвич².

Рассматривая продовольственную проблему, автор приходит к следующим выводам.

Для людей место работы в указанный период являлось не столько местом проявления своего самовыражения или простым зарабатыванием денег, сколько одним из подручных инструментов для добывания продовольствия, либо других товаров, которые в дальнейшем можно было использовать при бартере. В каждом отдельном случае – либо прошение выдать продукты, согласно уговоренной норме, либо простая кража – место работы воспринималось скорее, как дополнительный источник для поддержания своего существования, в указанный период страшнее всего было остаться без работы, так как на ней пускай и не в лучшем виде, но кормили.

Продовольственные требования – были ключевыми для рабочих указанного периода. Повседневные практики воровства с производства, использование различных уловок для получения пищи, в том числе злоупотребление служебным положением становится нормой поведения. Такие случаи были широко распространены в Москве в пик

¹ ЦГАМ. Ф. Р-1616. Оп.4. Д.7. Л. 38.

² Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917-1924 в 2 т. Т.2. М.: Военное издательство, 1997. С. 60.

продовольственного кризиса, который совпал с этапом горячей гражданской войны 1918-1920 гг., однако его отголоски можно найти и в 1921 году. Люди выбирали разные способы взаимодействия с окружающей действительностью: от вероломного воровства – когда просто брали и уносили пищу вплоть до попыток «достучаться до руководства», отправляя жалобы и прошения улучшить финансовое или продовольственное вознаграждение за труд, либо получить доступ к определённым благам в силу своего положения в новом обществе.

Еда, на фоне стремительной инфляции, использовалась в качестве валюты. Случай, зафиксированный в хлебопекарня номер 9 частное тому подтверждение. Его, как пример «круговой поруки» даже рассматривал на заседании Замоскворецкого Совета. Суть была довольно проста: товарищ Максимов отправил мальчика с 20 фунтами хлеба (естественно «взятыми на производстве») к некому Абрамовичу, чтобы расплатиться таким образом за оказанные стоматологические услуги, мальчика поймали, начали составлять протокол, вся нехитрая схема была раскрыта. На самой пекарне общее собрание сначала постановило уволить товарища Максимова, а затем, видимо, от испуга протокол переделали. Боязнь была в следующем: сотрудники пекарни опасались, что Максимов, получив известие о своём увольнении немедленно «сдаст» своих коллег, которые тоже приворовывали хлеб¹.

Третья глава «Новая экономическая политика и её влияние на жизнь москвичей (1921-1922 гг.)», состоящая из двух параграфов, затрагивает особенности московской повседневности, связанные с началом периода стабилизации. В первом параграфе **«Начало стабилизации: жилищный вопрос и продовольствие»** показаны особенности встраивания москвичей в новую экономическую политику путём анализа двух вопросов: жилищного и продовольственного. Автор отмечает, что уже во второй половине 1920 года в повседневной жизни москвичей прослеживается

¹ ЦГАМ. Ф. Р-1616. Оп.3. Д.54. Л.34.

привыкание к новой реальности. Как писал свидетель московской повседневности того времени: «В Москве стало страшно скучно»¹. Типичный воскресный день москвичей проходил в виде некоторой подготовки к будущей неделе. Сюда входила колка дров, добыча щепок для самовара (потому что «угля нет ни за какие деньги»), чистка обуви и одежды, а также перетаскивание воды из подвального этажа на свой. После всего сделанного москвич обычно коротал вечер за чтением книги².

Стоит отметить, что возвращение к некоему подобию «прежней жизни» началось весной-летом 1920 года, то есть в тот момент, когда фронтовой этап Гражданской войны был практически завершён. В решении продовольственной проблемы улучшение по Москве наблюдалось и за счёт того, что всё большее количество семей, согласно официальной статистике, получало «еду со стороны» - из 407 исследованных семей таковых оказалось чуть больше 78%³. А количество взрослого населения, потреблявшего пищу в столовых в мае 1920 года приближалось к 50%⁴.

Одним из главных признаков перемен в жизни городского населения стало закрытие Сухаревского рынка в декабре 1920 года⁵. Закрытие «одного из крупнейших спекулятивных торжищ» официальным постановлением Президиума Московского Совета объясняли нормализацией выдачи пайков населению. В этом постановлении упоминали и то, что многие вещи, продаваемые на Сухаревском рынке, были просто когда-то украдены со складов (при этом не указывая, как они на эти склады попали).

Факт прошедшего пика кризиса и начала стабилизации городской жизни отражала статистика за 1921 год - в Москву вернулось 400 тысяч

¹ Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917-1924 в 2 т. Т.2. М.: Военное издательство, 1997. С. 87.

² Там же. С. 34.

³ Красная Москва. Статистический сборник. (1917-1920). М.: Издание Московского Совета Р.К. и КР. Д. 1920. С. 100.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ Правда, 15 декабря, 1920.

человек¹. В этой связи довольно остро был обозначен жилищный вопрос. Согласно статистике, количество квартир, пригодных для жизни к 1921 году сократилось на 22%². Инспекция Московского управления недвижимого имущества выявила, что 758 строений в городе находились накануне обвала, в них проживало 11 689 человек из которых подлежали немедленному выселению 2 417 человек совсем и на время ремонта 5 368 чел. Для осуществления данной программы было необходимо 3 408 саженей квадратных для тех, кого переселяли насовсем и 5 861 саженей квадратных для тех, кто переселялся временно³. Для решения жилищного вопроса в Москве, необходимо было израсходовать 205 000 000 рублей золотом и ежегодно тратить 115 миллионов.

Жилищный фонд в предшествующий период на 75% был изъят и распределен, потребность в здоровом жилье захватывала около 160 000 человек преимущественно из рабочих. Моссовет гарантировал дать жильё для 5 000 человек, частный капитал должен был предоставить жильё ещё на 16 000 человек (эта площадь должна была находиться в свободном обороте)⁴. На 1 октября 1922 года в Москве имелось 1 075 домов коммун, часть из которых преобразовывалась в жилищные товарищества или ликвидировалась. Бесхозных домов (то есть с неизвестным собственником) имелось 3 619, 4 984 домовладения были возвращены собственникам⁵, 54,7% населения Москвы имели 0,5-1 комнаты на человека⁶. Гегемону революции уделяли внимание строительством домов исключительно для рабочих: за период 1922-1923 гг. было введено в эксплуатацию 20 домов с 297 квартирами⁷.

¹ ЦГАМ. Ф. Р-1616. Оп. 5. Д.5. Л. 104 (об)

² Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. М.: РОССПЭН, 2007. С. 158.

³ ЦГАМ. Ф. 2433. Оп.1. Д. 8. Л.38

⁴ ЦГАМ. Ф. 2433. Оп.1. Д. 8. Л.39.

⁵ ЦГАМ. Ф. 2433. Оп.1. Д. 8. Л.6

⁶ Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. М.: «РОССПЭН», 2007. С. 155.

⁷ ЦГАМ. Ф. 2433. Оп.1. Д. 8. Л.34.

В этих условиях в местные Советы всё больше поступало обращений с просьбой выдать охранную грамоту на квартиру. Анализ документов представляет следующие категории граждан, кому были положены некоторые послабления и кого Советская власть в лице комиссии старалась защищать. Первую категорию условно можно назвать творческими людьми. Вторая категория – это служащие, вынужденные забирать «работу домой», однако здесь действовали достаточно избирательно подчас с формулировкой «как ответственному работнику»¹. Третья категория – люди, которые не имели никакого особого положения, но получали защиту в силу различных обстоятельств.

Таким образом фокус сместился с выживания на улучшение жилищных условий. Безусловно, НЭП с его возвращением частной собственности, в том числе и на недвижимое имущество, а также легализации рыночных отношений вдохнул в людей уверенность. Так, например, Замоскворечье достаточно быстро отреагировало на новые веяния, в 1921 году там было 50 зарегистрированных кооперативов, в которых состояли 58 000 членов и 60 000 едоков, что составляло 80% населения района².

Знаком времени стало и изменение отношения к должности заведующего дома. Население тех домов, которые оставались муниципализированными, стало более придирчивым, когда речь заходила о фигуре коменданта. В августе 1921 года сама должность стала называться заведующий домом, а принятый декрет был направлен на то, чтобы попечительством занимались сами жильцы муниципализированных домов³. Если в эпоху военного коммунизма это была ответственная должность (в первую очередь перед местными властями), за которую, изначально, не предполагалось вознаграждения, то в начале новой экономической политики заведующий дома отвечал в первую очередь перед жильцами, и сама должность стала оплачиваемой: месячное жалованье в условиях

¹ ЦГАМ. Ф. Р-2369. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

² ЦГАМ. Ф. Р-1616. Оп. 5. Д.6. Л. 201

³ Декреты Советской власти в XVIII-ти т. Т.18. М.: 2009. С. 73.

ускорившейся инфляции составляло примерно один миллион рублей¹. Заведующего дома выбирали на общем собрании и о кандидатуре докладывали в жилищный отдел. Избранный на эту должность, должен был заниматься хозяйственным управлением дома.

Вместе с тем, революционные изменения в жилищной политике существенно изменили само понятие слова «дом». Если раньше дом был местом, связанным с определёнными традициями, дом являлся нулевой точкой в системе координат, которую «мы приписываем миру, чтобы найти в нём своё место»², то после муниципализации началась существенная деформация не только самого понятия, но и его пространства. Коммунальная квартира едва ли могла сохранить в себе все те смыслы, которые люди вкладывали в само понятие дома. Постоянное нахождение рядом с малознакомыми людьми в человеческом обществе явление, в целом, нормальное. Однако всегда существует какая-то привязка: либо возрастная (как в школе), либо общий недуг (как в больнице), либо преступление (как в тюрьме)³. В коммунальной квартире это всё, зачастую, отсутствовало. Безусловно, такое положение дел вело к существенной деформации практик, принятых в домашнем кругу. Даже само это словосочетание «домашний круг» исказилось. Квартира была больше похожа на публичное пространство, когда человек не чувствует себя комфортно. Дом – это всегда то место, где происходит взаимодействие лицом-к-лицу, твои жесты, твои реплики, твоё поведение – открыты для наблюдения тем, кто делит с тобой данное пространство⁴. Такое вторжение в личное пространство существенно меняло и восприятие собственного дома, и отношение к тем, кто делил с тобой это пространство. Всё это заканчивалось тем, что в уплотнённом пространстве возникали новые традиции и новый порядок общежития.

¹ ЦГАМ. Ф. Р-2369. Оп.1. д.10 Л. 47.

² Шюц А. Мир светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 550.

³ Кобозева А.В. Культурно-антропологический анализ повседневной жизни Москвы: социальные эксперименты первого послереволюционного десятилетия. Дисс. канд. философ. наук. Москва, 2006. С. 123.

⁴ Шюц А. Мир светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 552.

Жилищная политика большевиков привела к тому, что формировались условия, когда человек до конца не понимал: принадлежит ли ему собственность или ей уже распоряжается государство. Такое положение дел существенно снижало интерес к поддержанию своего жилья в надлежащем виде. В этот период начинает формироваться любопытная двойственность, которая, по замечанию исследовательницы С. Бойм свелась к тому, что советский дом построен был по модели двоемирия: официальное, государственное пространство городского фасада контрастировало с внутренним пространством комнаты, оазисом личного уюта («личное пространство» в последствии уже не являлось частной собственностью)¹. Все эти пространства, которые были и не личными, и не государственными, такие как парадное, двор, подворотня, коридоры, составляли пограничную зону. Это было не «публичной сферой» в европейском смысле слова, а скорее ничьей территорией, за которую не отвечал никто.

Во втором параграфе **«Москвичи в условиях НЭПа: плюрализм под государственным контролем»** автор анализирует процесс частичного возвращения к традиционным повседневным практикам москвичей.

Анализ архивных материалов свидетельствует, что в условиях новой экономической политики москвичи, особенно старожилы – активнее начали возвращаться к традиционным практикам, в частности посещения церкви при известном в этот период давлении на церковь и изъятии ценностей. Истинно верующие люди чувствовали себя максимально беззащитными, а то, что во время богослужения в храм могли зайти люди, чтобы на глазах у молящихся людей выносить оттуда ценности и при этом не встречать никакого физического сопротивления – выражать сопротивление антирелигиозной политике большевиков было опасно, на это решались единицы. Вместе с тем, местные власти гораздо тоньше понимали специфику взаимодействия с населением в силу своего положения и процесс изъятия церковных ценностей был неагрессивным. В целом слом представления москвичей о

¹ Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М.: НЛО, 2002. С. 178

норме, который касался поведения в церкви, был совершён. Также, как и со случаями частной торговли – это не отпугивало людей, просто заставляло их вести себя осторожнее, затаиваться. Несмотря на официальный антирелигиозный курс, во времена НЭПа мы наблюдаем скорее плюрализм под государственным контролем. Сама религия для коммунистов в данный период была скорее объектом насмешек, особенно в официальной печати, чем прямой угрозой их власти. Однако, большевики по-новому противопоставляют традиционным праздникам Рождества и Пасхи новые повседневные практики – празднование 5-й годовщины Октябрьской революции сопровождалась новыми ритуалами: выдача жалованья заранее, чтобы рабочие могли купить себе желаемые на праздник продукты, митинг-концерт с «флажками, плакатами и чаем с бутербродами», освобождение всех от работы, на городском уровне при Московском и районных советах создавались комиссии по празднованию, проводились «вечера воспоминаний», фасады домов украшались революционной символикой и др.

Осенью 1922 года фасад московской «дореволюционной жизни» был восстановлен: на улицах, по театрам и во всякие заведения проникали практики, которые в годы военного коммунизма горячо осуждались: ношение перчаток «не от холода и не для пилки дров, а ради франтовства», целование дамских ручек, роскошь и изящество нарядов «без опасливой оглядки»¹. Новая экономическая политика глазами обывателя была двойственной: она давала, с одной стороны, возможность человеку устроиться на работу в негосударственное учреждение, в котором зарплаты могли существенно отличаться (в лучшую сторону). С другой стороны, обыватели продолжали «зябнуть и ютится» в своих квартирах, одежда была очень дорогой (ходили в поношенных старых вещах), были недоступны некоторые продукты питания: например, мясо. В эту новую реальность, в которой с первого взгляда имела место быть реставрация практически «дофевральской жизни» было достаточно тяжело интегрироваться, даже

¹ Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917-1924 в 2 т. Т.2. М.: «Воениздат», 1997. С. 243.

«бывшие люди», оставшиеся в Москве, вели себя определённым образом, титуляя друг друга «Ваше сиятельство», «княжна», «граф» – «не то забавляясь, не то разыгрывая какой-то старомодный водевиль»¹. Даже в таком, на первый взгляд, многообразном НЭПе, они надевали кольца брильянтами внутрь, чтобы не вызывать лишних вопросов и взглядов.

Существование в эпоху перемен требовало от людей либо отказа от своей старой идентичности путём выстраивания новой на основах коммунистической идеологии, либо сохранения прежней, традиционной. Безусловно, имелся ещё и третий путь, находившийся где-то посередине, который и выбирали обыватели, то есть встраивание в новую социальную реальность настолько, насколько позволяли их собственные убеждения, либо насколько существенная выгода сулила человеку в той или иной ситуации. Автор согласен с мнением ряда исследователей, которые выделяют следующие стратегии поведения в период НЭПа: традиционную (характерную для большинства населения, особенно крестьян), конформистскую или советскую (коллективистскую, политизированную и идеологизированную), а также деструктивную². В период НЭПа человек мог «как раньше» позволить себе купить определённые продукты, после длительного периода недоедания это могло создавать впечатление о некотором возврате к норме, но в тоже время не могло не сформировать впечатление о напрасных жертвах, вызванных революциями и гражданской войной. Изменения можно было свести к вопросу: «во имя чего?», если задачи новой власти буквально воспринимались как попытка выстроить то, что совсем недавно было сознательно разрушено.

Одной из самых главных практик в первый год НЭПа, стало изменение отношения к деньгам. Такая расхожая практика как планирование будущего теперь упиралось не столько в неизвестность: удастся ли дожить до

¹ Окунев Н.П. Указ.соч. С. 248.

² Оришев А.В., Тарасенко В.Н. Повседневная жизнь советского человека в эпоху НЭПа: историографический анализ. М.: РИОР-ИНФРА-М, 2018. С. 90

завтрашнего дня, а в более прозаичный аспект – хватит ли денег на конкретный товар или услугу.

Таким образом, 1922 год едва ли можно назвать годом окончательной стабилизации. Ожидание возврата к прежней жизни с одной стороны должно было настраивать людей на позитивное мышление: «Теперь скоро булки будут – так думают все наивные люди» – отмечал петроградский историк-архивист Г.А. Князев¹. И правда, ужас гражданской войны оставил в прошлом, наконец, появилось время для созидания. С другой стороны, новая экономическая политика порождала упаднические настроения, которые были связаны с ощущением бессмысленного кровопролития, что отразилось на волне роста самоубийств не только среди населения, но и среди партийных работников, которые начались в 1922 году, а их пик пришёлся на 1924-1925 гг². Однако общая тенденция на налаживание взаимодействия с обществом была. НЭП действительно можно воспринимать как некоторую передышку перед очередным рывком к коммунистическому будущему, когда наметились пути стабилизации не только страны, которая по итогам 1922 года трансформировалась в СССР, но и того, что было важнее для обывателей – их собственной жизни.

В Заключении подведены итоги, сделаны обобщения и выводы.

Таким образом, в результате Октябрьской революции и последовавшей за ней Гражданской войной общество на территории бывшей Российской империи было втянуто в тяжелейший и длительный кризис. Москва стала одним из первых мест, где случилось вооружённое противостояние между сторонниками и противниками большевиков. Однако в дальнейшем город перешёл под постоянный контроль большевиков и население Москвы взаимодействовало с ними регулярно, став, таким образом, свидетелями осуществляющей политики, а сам город впоследствии вернул себе статус

¹ Цит. по: Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 24.

² Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 545.

столицы нового государства. В 1917-1922 гг. городские жители были склонны к политической адаптивности, которая в повседневной жизни нередко приходила в противоречие с попыткой сохранить традиционный жизненный уклад. Первое время люди цеплялись за те повседневные практики, которые превратились в некоторую норму в годы Первой мировой войны. Октябрьские бои многих убедили в том, что революция действительно пришла в Россию. Однако к самим большевикам до конца января 1918 года отношение было скептическое: мало кто верил, что их власть продлится долго. Но уже с марта того же года началось активное освоение политического и физического пространства большевиками. Москвичи же в этот момент выжидали, не оказывая существенного сопротивления: часть из горожан предпочитала либо не замечать изменения вовсе, либо пытаться встраиваться в новую систему отношений, извлекая из этого все возможные выгоды.

В период военного коммунизма у людей, оказавшихся перед лицом продовольственного и топливного кризиса, существенно деформировались нормы поведения. Человек в условиях Гражданской войны становился жёстче и pragmatичнее. «Право сильного», которое начало прививаться ещё с восстания большевиков в Петрограде и октябрьских боёв в Москве, стало законом Гражданской войны, которому следовали люди. В условиях бедственного состояния коммунальных систем, городской житель самостоятельно должен был решать свои бытовые проблемы: власть помогала, но этой помощи было недостаточно для того, чтобы выживать. Люди разрушали деревянные строения, что узаконивалось решениями местных Советов, которые прекрасно осознавали критическое положение населения перед суровыми зимами, а также занимались добычей продуктов, иногда прибегая к воровству с места работы, во избежание голодной смерти. Практика разрушения физического пространства органично вписывалась в общий «разрушительный» контекст революции. Вкупе с политикой уплотнения, которая так и не была проведена по задуманному плану, в силу

невозможности переселить большую часть рабочих из окраин в центр по причине нехватки жилой площади для такого количества людей, военный коммунизм для москвичей стал пиком хаоса и временем серьёзных человеческих жертв.

В этот небольшой, по историческим меркам, промежуток времени люди переставали планировать своё будущее. Условный «завтрашний день» был полон неизвестности. Рост преступности и «право сильного» заставляли городского жителя искать защиты. Это проявлялось в строительстве баррикад вокруг домов, превращавших их в «крепость». Москвичи также пытались маскироваться под тех, кто приближён к власти или обладает правом на насилие – облачаясь в кожаную куртку, одежду военного или полувоенного покроя, а чаще всего (в связи с финансовыми трудностями) – перенимали новый революционный язык, владение которым было в некоторых случаях необходимостью. Сильно влияли на апатичность городского населения общий упадок городского комфорта. Зимнюю Москву в период военного коммунизма сравнивали с деревней в силу заснеженных и неубранных улиц с огромными сугробами. Приоритетными задачами для горожан было выживание. Обывательские дневники фокусировали своё внимание на растущих ценах и доступных/недоступных продуктах.

Власть большевиков москвичи сначала воспринимали как временное явление, затем как наказание (что увязывалось не с идеологией, а общим бедственным продовольственным положением и ростом эсхатологических настроений), религиозные люди воспринимали весь революционный кризис как некую кару свыше, а ближе к 1920 году большевиков воспринимали уже как данность. Повседневные практики горожан в домашних условиях были достаточно скучными – редкие приходы гостей, вечера вокруг печки «буржуйки» и нехитрая еда. Относительное улучшение условий существования мы можем наблюдать лишь на исходе фронтового этапа Гражданской войны. Москвичи в этот период начали постепенно возвращаться к старым формам досуга. Одной из самых интересных практик

времён военного коммунизма стала торговля и покупка товаров на Сухаревской площади. Верховная и районная власти прекрасно знали о существовании этого рынка, однако даже несмотря на обозначенный запрет свободной торговли обуздать её большевики были не в состоянии. Поэтому в данном противостоянии чаша весов регулярно перевешивала то в одну, то в другую сторону. Особенности взаимоотношений МЧК и спекулянтов выражались в полном признании власти первых, с оговоркой, что власть эта признаётся только в присутствии сотрудников. Таким образом мнимого выражения лояльности было достаточно для того, чтобы «статус-кво» просуществовал до конца зимы 1920 года.

Новая экономическая политика должна была стать переломным моментом в борьбе «за умы» населения. Однако ценой больших усилий устранив проблему дефицита продовольствия в Москве (население больше не оказывалось под угрозой голодной смерти, но и позволить себе определённые излишества не могло) – люди столкнулись с чудовищной инфляцией, остановить которую удалось уже ближе к середине нэпа. Данный период давал возможность для различного самовыражения: в первую очередь в повседневных практиках. Попытка возвращения к «старым практикам», например, посещения церкви погружало горожан в новую реальность. Во время богослужения в храм могли зайти рабочие в головном уборе и прямо на глазах у паствы начать процесс изъятия ценностей, которые затем предполагалось продать для оказания помощи голодающим Поволжья. Рост антирелигиозных настроений, подогреваемых властью, показывал преимущественно московским старожилам, что прежний мир действительно разрушен навсегда. Повседневную жизнь существенно оживила частная торговля, которая открывала не только новые карьерные перспективы для населения, но и позволяла москвичам, глядя на вновь открывшиеся витрины и рестораны, лучше узнать свой «прежний» город, который в годы военного коммунизма приобрел совершенно негодный вид. Именно это «узнавание» и позволяло эмоционально стабильным горожанам надеяться и на дальнейшее

улучшение своей жизни. Однако часть населения отреагировала на НЭП совершенно другим образом: с 1922 года вновь начался рост количества самоубийств. Возвращение частной собственности на городскую недвижимость и разрешение на создание жилищных товариществ существенно повысило мотивацию жильцов по поддержанию порядка в своём собственном доме. Аналогичное отношение жителей мы можем наблюдать и в муниципализированных домах. До окончательной нормализации жизни было ещё далеко, однако за годы Гражданской войны люди привыкли к скромной и даже аскетичной жизни.

Революция и гражданская война серьёзно изменили внутренний и внешний облик москвича. Вездесущее требование порядка большевики далеко не всегда могли исполнить. Регулярные контакты местной власти и населения вызывали больше раздражения среди людей. В период НЭПа люди были скорее благодарны за возможность вернуться к нормальной жизни, однако психологически перестроиться определённой части населения было проблематично. Революция, в итоге не давшая обществу сиюминутной справедливости, совершившаяся путём гигантских жертв, в качестве своего итога откатывалась к некому подражанию жизни дореволюционной (именно такое восприятие НЭПа было у горожан), вызывала разочарование у идейных людей и непонимание у обычных людей. Население, прошедшее через весь хаос революционного времени, стало носителем определённых установок, которые сыграли свою роль уже в дальнейшей истории нашей страны. быть двойственность.

Основные положения научно-квалификационной работы (диссертации) изложены в следующих публикациях автора:

а). публикации в изданиях из Перечня ВАК:

1. Моргунов К.Г. Восприятие москвичами большевистской власти в годы военного коммунизма // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки; №7, М, 2021. С. 18-23.

2. Моргунов К.Г. Москва и москвичи в зимний период 1918-1920 гг. Зарисовки из повседневности // Вопросы национальных и федеративных отношений, Т. 11, №7 (76), М. 2021. С. 2041-2049
3. Моргунов К.Г. Особенности освоения городского пространства Москвы большевиками в 1917-1921 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений, Т. 12, №1 (82), М. 2022. С. 93-100.

б). публикации в других изданиях:

1. Моргунов К.Г. Повседневная жизнь в годы Гражданской войны на примере дневника московского обывателя Н.П. Окунева // Молодой ученый. Москва, №21 (259), 2019. С. 467-470.
2. Моргунов К.Г. Повседневность и её восприятие в работах А. Шюца. // Наука в мегаполисе. № 4(20). Электронный ресурс. URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-20/interdisciplinary-practices/everyday-life-perception.html>